

Key Aspects of Attorney-Client Privilege in Criminal Proceedings: Uzbekistan's Legislation and International Experience

Kamola KHAKIMOVA¹

Tashkent State University of Law

ARTICLE INFO

Article history:

Received July 2025
Received in revised form
15 July 2025
Accepted 25 July 2025
Available online
15 August 2025

Keywords:

attorney – client privilege,
confidentiality,
criminal procedure,
Republic of Uzbekistan,
international standards,
comparative law,
France,
Germany,
professional ethics,
legal practice,
European Court of Human
Rights,
criminal-procedural
guarantees,
disciplinary liability,
criminal liability,
right to defence.

ABSTRACT

Attorney – client privilege is one of the key principles of justice that sustains trust between defence counsel and the client, particularly in the context of criminal proceedings. This article examines the current legislation of the Republic of Uzbekistan on attorney–client privilege, including normative acts and ethical codes that regulate the confidentiality of information obtained by a lawyer from a client. It offers a comparative analysis of international approaches using France and Germany as examples, where the professional secrecy of lawyers is recognised as a matter of public policy and protected as an absolute right, and its breach entails strict liability measures. The article also considers international standards (the UN Basic Principles on the Role of Lawyers) and the case law of the European Court of Human Rights, which underline the fundamental nature of confidential lawyer – client communications for a fair trial. The research methodology relies on a comprehensive analysis of legislation, doctrine, and judicial practice, which made it possible to identify gaps and achievements in safeguarding lawyer – client confidentiality. As a result, conclusions are drawn about the current state of confidentiality guarantees in Uzbekistan and recommendations are proposed to align national practice with international standards, including strengthening procedural safeguards and liability for breaches of attorney – client privilege. The findings may contribute to the further improvement of legislation and law-enforcement practice in the sphere of the legal profession.

2181-1415/© 2025 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol6-iss7/S-pp116-128>

This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

¹ Researcher, Master of Laws (LL.M.), Tashkent State University of Law. E-mail: Khakimovak97@gmail.com

Jinoyat protsessida advokatlik sirining muhim jihatlari: O'zbekiston qonunchiligi va xalqaro tajriba

ANNOTATSIYA

Kalit so'zlar:

advokatlik siri,
maxfiylik,
jinoyat protsessi,
O'zbekiston Respublikasi,
xalqaro standartlar,
qiyosiy huquq,
Fransiya,
Germaniya,
kasbiy etika,
advokatura faoliyati,
Inson huquqlari bo'yicha
Yevropa sudi,
jinoyat-protsessual
kafolatlar,
intizomiy javobgarlik,
jinoiy javobgarlik,
himoya huquqi.

Advokatlik siri adolatning asosiy tamoyillaridan biri bo'lib, ayniqsa jinoyat protsessida himoyachi va mijoz o'rtasidagi ishonchni ta'minlaydi. Ushbu maqolada O'zbekiston Respublikasida advokatlik siri bo'yicha amaldagi qonunchilik – advokat tomonidan mijozdan olingan ma'lumotlarning maxfiyligini tartibga soluvchi normativ hujjatlar va axloq kodekslari – tahlil qilinadi. Fransiya va Germaniya misolida xalqaro yondashuvlarga qiyosiy tahlil beriladi; bu mamlakatlarda advokatning kasbiy siri jamoat tartibi masalasi sifatida e'tirof etilib, mutlaq huquq sifatida himoya qilinadi va uni buzish qat'iy javobgarlikka olib keladi. Maqolada xalqaro standartlar (BMTning Yuridik kasb vakillarining roli to'g'risidagi Asosiy tamoyillar) hamda Inson huquqlari bo'yicha Yevropa sudi amaliyoti ko'rib chiqilib, advokat va mijoz muloqotining maxfiyligi adolatli sudlovning poydevori ekanligi ta'kidlanadi. Tadqiqot metodologiyasi qonunchilik, doktrina va sud amaliyotini kompleks tahlil qilishga tayangan bo'lib, advokatlik sirini ta'minlashdagi bo'shliqlar va yutuqlarni aniqlash imkonini berdi. Natijada, O'zbekistonda maxfiylik kafolatlarining hozirgi holati yuzasidan xulosalar chiqarildi hamda milliy amaliyotni xalqaro standartlarga moslashtirish bo'yicha, jumladan protsessual kafolatlarni kuchaytirish va advokatlik sirini buzganlik uchun javobgarlikni oshirishga doir tavsiyalar berildi. Olingan natijalar advokatura sohasidagi qonunchilik va huquqni qo'llash amaliyotini yanada takomillashtirishga xizmat qilishi mumkin.

Важные аспекты адвокатской тайны в уголовном процессе: законодательство Узбекистана и международный опыт

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:

адвокатская тайна,
конфиденциальность,
уголовный процесс,
Республика Узбекистан,
международные
стандарты,
сравнительное право,
Франция,
Германия,
профессиональная этика,
адвокатская деятельность,
Европейский суд по
правам человека,

Адвокатская тайна представляет собой один из ключевых принципов правосудия, обеспечивающий доверие между защитником и доверителем, особенно в контексте уголовного судопроизводства. В данной статье проанализировано действующее законодательство Республики Узбекистан об адвокатской тайне, включая нормативные акты и этические кодексы, регулирующие конфиденциальность информации, полученной адвокатом от доверителя. Проведен сравнительный анализ международных подходов на примере Франции и Германии, где профессиональная тайна адвоката признается принципом публичного порядка и охраняется

уголовно-процессуальные
гарантии,
дисциплинарная
ответственность,
уголовная
ответственность,
право на защиту.

как абсолютное право, а ее нарушение влечет строгие меры ответственности. Рассмотрены международные стандарты (Основные принципы ООН о роли юристов) и практика Европейского суда по правам человека, подчёркивающие фундаментальный характер конфиденциальности общения между адвокатом и доверителем для справедливого правосудия. Методология исследования базируется на комплексном анализе законодательства, доктрины и судебной практики, что позволило выявить пробелы и достижения в обеспечении адвокатской тайны. В результате сформулированы выводы о текущем состоянии гарантий конфиденциальности в Узбекистане, а также рекомендации по приведению национальной практики в соответствие с международными стандартами, включая усиление процедурных гарантий и ответственности за нарушение адвокатской тайны. Полученные результаты могут способствовать дальнейшему совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в сфере адвокатуры.

Защита конфиденциальности между адвокатом и доверителем – фундаментальное условие реального осуществления права на квалифицированную юридическую помощь и справедливое правосудие. Институт адвокатской тайны исторически развивался как гарантия доверия: еще римское право содержало положение, запрещающее принуждать поверенного свидетельствовать против своего клиента. В современном понимании адвокатская тайна означает юридическую обязанность адвоката не разглашать сведения, полученные от доверителя или в связи с оказанием ему правовой помощи. Эта конфиденциальность позволяет гражданам открыто обращаться за юридической помощью, не опасаясь, что сообщенная информация станет известна третьим лицам или противоположной стороне.

Цель настоящей работы – комплексно исследовать институт адвокатской тайны в уголовном процессе Узбекистана, выявить особенности национального регулирования, сопоставить их с зарубежным опытом (на примере Франции и Германии) и международными стандартами, а также предложить рекомендации по совершенствованию законодательства и практики. Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

- проанализировать нормативно-правовые акты Узбекистана, регулирующие обязанность сохранения адвокатской тайны, включая Закон «Об адвокатуре», Закон «О гарантиях адвокатской деятельности и социальной защите адвокатов», Уголовно-процессуальный кодекс и Правила профессиональной этики адвокатов;
- выяснить, какие процессуальные гарантии предусмотрены для защиты конфиденциальности адвокат-доверитель в уголовном судопроизводстве;
- изучить международно-правовые стандарты защиты профессиональной тайны (ООН, Совет Европы) и практику Европейского суда по правам человека по данному вопросу;

- провести сравнительный анализ законодательства Франции и Германии об адвокатской тайне, включая определение объема конфиденциальных сведений и мер юридической ответственности за их разглашение;

- определить существующие пробелы или противоречия в узбекской модели обеспечения адвокатской тайны и выработать предложения по их устранению.

В работе применялась комбинированная методология, включающая следующие методы:

- **Нормативно-правовой анализ:** Всесторонне изучены действующие нормативные акты Республики Узбекистан, регулирующие институт адвокатской тайны. Анализировались положения Конституции РУз (право на квалифицированную юридическую помощь), Закон РУз «Об адвокатуре» (в частности, статья 9), Закон «О гарантиях адвокатской деятельности и социальной защите адвокатов», Уголовно-процессуальный кодекс, а также подзаконные акты и **Правила профессиональной этики адвокатов**. Особое внимание уделено конкретным статьям законов, регламентирующим объем понятий «адвокатская тайна» и запреты на ее разглашение, что позволило точно определить юридическое содержание обязанностей адвоката по конфиденциальности.

- **Компаративистский метод:** Проведен сравнительно-правовой анализ опыта зарубежных государств. Были выбраны правовые системы Франции и Германии как примеры развитых континентальных юрисдикций, традиционно признающих профессиональную тайну адвоката одним из основополагающих принципов. Изучались законодательство (уголовные и уголовно-процессуальные нормы, кодексы профессиональной этики) и практика применения норм о тайне во Франции и ФРГ. Также для сравнения учтены подходы стран англо-саксонского права (США, Великобритания) в части отсутствия у них специальной уголовной ответственности за разглашение адвокатской тайны, что дало возможность выявить различные модели обеспечения конфиденциальности.

- **Международно-правовой анализ:** Исследованы международные стандарты и акты «мягкого права», касающиеся роли адвокатов и конфиденциальности. В частности, использованы *Основные принципы ООН о роли юристов (1990 г.)*, провозглашающие обязанность государств уважать конфиденциальность контактов адвоката с клиентом [1]. Изучены резолюции и рекомендации Совета Европы, а также прецеденты Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Анализ практики ЕСПЧ включал систематизацию ключевых дел, разъясняющих содержание права на конфиденциальное общение с защитником и допустимые пределы вмешательства государства (например, решения по делам *Нимиц против Германии*, *Campbell v. UK*, *Sommer vs. Germany* и др.). Это позволило выработать критерии, которым должна соответствовать национальная практика, чтобы считаться легитимной с точки зрения ст.6 и 8 Европейской конвенции.

Сочетание этих методов обеспечило всестороннее и объективное исследование. Сопоставление *de jure* закрепленных норм и *de facto* практики их реализации позволило выявить не только формальное содержание принципа адвокатской тайны, но и реальные проблемы, возникающие при его соблюдении.

Понятие и значение адвокатской тайны

Адвокатская тайна (профессиональная тайна адвоката) – это установленный законом режим конфиденциальности, обязывающий адвоката хранить в секрете любые сведения, связанные с оказанием юридической помощи

доверителю. В статье 9 Закона Республики Узбекистан «Об адвокатуре» прямо указано, что предметом адвокатской тайны является сам факт обращения доверителя к адвокату, вопросы, по которым он обратился, суть консультаций, советов и разъяснений, полученных от адвоката, и все иные сведения, касающиеся содержания бесед адвоката с доверителем [2]. Таким образом, конфиденциальной информацией считается практически всё, что клиент сообщает своему юристу в рамках профессионального взаимодействия. Закон также запрещает адвокату, его помощникам, стажерам и техническим сотрудникам разглашать такие сведения и использовать их в своих или чьих-либо интересах. Аналогичные широкие формулировки содержатся в нормах Правил профессиональной этики адвокатов Узбекистана, где они относят к адвокатской тайне буквально все данные, связанные с юридической помощью, включая сам факт обращения лица к адвокату, независимо от характера консультации. Причем срок охраны тайны не ограничен – обязанность хранить доверенные сведения сохраняется даже после завершения дела и не снимается с течением времени [3].

Фундаментальное значение адвокатской тайны обусловлено тем, что без гарантии конфиденциальности невозможно построение доверительных отношений между гражданином и его защитником. Как отмечается в международной доктрине, полное и откровенное общение клиента с адвокатом является необходимым условием реализации права на защиту. Европейский суд по правам человека неоднократно подчеркивал, что привилегия адвокат-клиент – одна из основных основополагающих черт справедливого судебного разбирательства [4]. По сути, адвокатская тайна выступает своего рода иммунитетом доверителя, позволяющим ему свободно делиться с защитником любой информацией, зная, что она не станет известна без его согласия. В связи с этим Конституция Республики Узбекистан гарантирует каждому право получать квалифицированную юридическую помощь (ст.29), а законодательство об адвокатуре относит строгое соблюдение адвокатской тайны к числу основных принципов адвокатской деятельности. В тексте Присяги адвоката, которую дает каждый вступающий в профессию, особо выделяется клятва «*хранить адвокатскую тайну* [5]», что подчёркивает ее высокое этическое и правовое значение.

Таким образом, адвокатская тайна служит двуединой цели: с одной стороны, она защищает **частные интересы доверителя**, обеспечивая ему безопасность откровений перед своим представителем, а с другой – охраняет **публичные интересы правосудия**. Последнее проявляется в том, что без доверия к адвокатам как институту невозможно эффективное функционирование системы правовой помощи и реализации права на справедливый суд. Охрана конфиденциальности по сути является необходимым условием состязательности процесса и равенства сторон: если бы адвокат мог быть вынужден раскрыть сведения клиента, это поставило бы сторону защиты в уязвимое положение перед обвинением. Именно поэтому **адвокатская тайна имеет абсолютный характер во многих правоприменительных практиках**.

Например, во французском праве профессиональная тайна адвоката признана принципом публичного порядка, общим и неограниченным во времени. Никакие государственные органы, включая суд, не вправе требовать от адвоката раскрытия конфиденциальных коммуникаций с клиентом [6]. В англо-

американской традиции аналогичный институт известен как *attorney-client privilege* (привилегия доверитель-адвокат) – и также рассматривается судами не просто как доказательственное правило, но как основополагающее право, на котором зиждется система правосудия. В целом, без сохранения адвокатской тайны право на защиту было бы иллюзорным, поэтому обеспечение конфиденциальности коммуникаций «адвокат-клиент» признается обязанным атрибутом правовой государственности.

Нормативно-правовое регулирование в Республике Узбекистан института адвокатской тайны имеет прочное законодательное основание. Базовые положения содержатся в Законе «Об адвокатуре» (№349-I от 27.12.1996 г., с изменениями и дополнениями). Статья 9 данного закона устанавливает обязанность адвоката хранить адвокатскую тайну и подробно определяет ее объем, как было указано выше. Кроме того, Закон запрещает разглашение этих сведений не только самим адвокатом, но и любыми сотрудниками адвокатских образований (помощниками, стажерами, техническим персоналом). На законодательном уровне закреплено также, что даже доверитель не вправе освободить адвоката от его обязанности хранить тайну – профессиональный долг имеет императивный характер. Это соответствует общему для континентальной Европы подходу: например, во Франции клиент юридически не может разрешить адвокату раскрыть конфиденциальную информацию, и нарушение тайны рассматривается как дисциплинарный проступок вне зависимости от воли доверителя [6].

Помимо Закона об адвокатуре, важное значение имеет Закон РУз «О гарантиях адвокатской деятельности и социальной защите адвокатов» (№721-I от 25.12.1998 г.). В нем конкретизируются гарантии независимости и иммунитеты, связанные с профессией адвоката. В частности, законодатель прямо **запрещает привлекать адвоката к какой-либо ответственности или угрожать таковой в связи с оказанием им юридической помощи** (ст.5 Закона о гарантиях). Это значит, что адвокат не должен опасаться преследования за добросовестное выполнение обязанностей перед клиентом. Данный Закон также содержит норму, непосредственно направленную на охрану конфиденциальных сведений: *«Запрещается требовать от адвоката, его помощника и стажера каких-либо объяснений или показаний об обстоятельствах, составляющих адвокатскую тайну, а равно истребовать от них материалы, связанные с оказанием юридической помощи, для использования в оперативно-розыскной деятельности или судебном процессе»* [5]. Эта гарантия фактически освобождает адвоката от обязанности свидетельствовать против своего доверителя и препятствует изъятию у него переписки, записок, досье по делу и прочих документов, содержащих защищенные сведения. По сути, узбекский законодатель закрепил аналог положений, имеющих в УПК многих стран: например, в России адвокат не подлежит допросу в качестве свидетеля об обстоятельствах, известных ему в связи с оказанием юридической помощи (ч.3 ст.56 УПК РФ), а в Германии защитник имеет законное право отказать в даче показаний по тайным сведениям клиента (§53 абз.1 п.3 StPO) [7]. Узбекская норма предоставляет еще более широкую защиту, прямо запрещая требовать от адвоката раскрытия какой-либо информации по делу без согласия доверителя.

Уголовно-процессуальное законодательство Узбекистана в целом согласуется с указанными принципами, хотя содержит и ряд особенностей. Право обвиняемого на помощь защитника охраняется с момента задержания: адвокат имеет право на неограниченные по числу и продолжительности свидания с подзащитным с глазу на глаз. Это положение призвано обеспечить возможность конфиденциального общения без контроля со стороны следствия, что соответствует международным требованиям. Например, ст.148 УПК Германии аналогично гарантирует свободное и неконтролируемое общение обвиняемого с адвокатом [7]. Кроме того, в узбекском законодательстве присутствует норма, ограничивающая доступ следственных органов к материалам адвокатского досье. Согласно статье 8 Закона Республики Узбекистан «О гарантиях адвокатской деятельности и социальной защите адвокатов» **истребование, изъятие, осмотр, копирование и использование информации, связанной с юридической помощью, допускается лишь в случае привлечения самого адвоката в качестве обвиняемого, а во всех иных ситуациях – только с согласия лица, обратившегося за юридической помощью.** Иными словами, пока адвокат не стал сам фигурантом уголовного дела, его рабочие документы и переписка с клиентом неприкосновенны, если только сам доверитель не даст согласие на их раскрытие. Данная норма отражает принцип *профессионального иммунитета*, сходный с нормами немецкого права: согласно §97 УПК ФРГ, переписка между обвиняемым и защитником не подлежит изъятию при обыске, если только адвокат не подозревается в соучастии в преступлении [7]. В целом, процессуальные гарантии УПК Узбекистана направлены на предотвращение вынуждения адвоката к разглашению защищаемой информации.

В международном праве и стандартах прав человека принцип конфиденциальности общения между юристом и клиентом рассматривается как неотъемлемый элемент права на справедливый суд и эффективную юридическую помощь. Хотя ни Всеобщая декларация прав человека, ни Международный пакт о гражданских и политических правах прямо не упоминают адвокатскую тайну, это право вытекает из гарантии на защиту (ст.14(3)(b) МПГПП – право на общение с защитником наедине) и общего права на личную жизнь (ст.17 МПГПП) [8].

Кроме того, как отмечает в своей статье Профессор Лорена Бахмаер об обзоре практики Европейского суда по правам человека **статья 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ)**, (право на уважение частной жизни и корреспонденции) распространяется на коммуникации «адвокат – клиент», признавая их особую защищенность. ЕСПЧ последовательно сформулировал ряд принципов относительно адвокатской тайны:

- Любое лицо, желающее проконсультироваться с адвокатом, должно иметь возможность сделать это в условиях, позволяющих полное и беспрепятственное обсуждение доверительных сведений [4]. Государство не должно создавать обстановку, в которой у клиента возникает страх, что содержание его разговоров с юристом может стать известным третьим лицам.

- Право на конфиденциальность не ограничено рамками конкретного судебного разбирательства. Защите подлежат коммуникации с адвокатом по любым правовым вопросам, вне зависимости от стадии дела или наличия судебного спора [4]. Это означает, что переписка и встречи с юристом защищены даже до возбуждения дела в суде или после его завершения.

• Гарантии тайны должны быть **эффективными на практике, а не лишь формальными** [4]. Например, предоставление обвиняемому права на свидание с адвокатом теряет смысл, если такие встречи прослушиваются или записываются администрацией места содержания под стражей.

• Вмешательство государства в привилегию «адвокат–клиент» может нарушать одновременно статьи 6 и 8 Конвенции. ЕСПЧ дифференцирует: подслушивание или перлюстрация корреспонденции затрагивает сферу ч.1 ст.8 (право на частную жизнь), а использование полученных конфиденциальных данных против обвиняемого способно ущемить его право на защиту по ст.6. Кроме того, изъятие у адвоката документов клиента без соблюдения особой процедуры может нарушать принцип *nemo tenetur* (запрет принуждения к самообвинению) [4], если таким образом фактически собираются доказательства против подзащитного из его же конфиденциальных сведений.

В прецедентах ЕСПЧ закреплены минимальные стандарты обращения с коммуникациями адвокатов. Еще в решении **«Нимиц против Германии» (Niemietz v. Germany, 1992)** [9] Суд признал, что обыск в офисе адвоката затрагивает ст.8 Конвенции, и указал на необходимость особых гарантий при подобных действиях. В деле **«Кампбелл против Соединенного Королевства» (Campbell v. UK, 1992)** [10] чтение администрацией тюрьмы переписки заключенного с адвокатом было расценено как нарушение права на корреспонденцию. Суд подчеркнул, что контроль за общением с юристом допустим лишь при наличии веских оснований безопасности и под независимым надзором, иначе подрывается доверие к адвокатской переписке. В более позднем деле **«Соммер против Германии» (Sommer v. Germany, 2017)** [11], касавшемся негласного прослушивания телефонных переговоров адвоката, ЕСПЧ подтвердил, что прослушка разговоров защитника с клиентом представляет собой серьезное вмешательство в права по ст.8 и должна отвечать требованиям «качества закона» и строгой необходимости. Помимо этого, отмечается решение ЕСПЧ в отношении Украины, признающее незаконным прослушивание переговоров адвоката с клиентами, с акцентом на фундаментальной роли адвокатской тайны и требовании четких и точных законных оснований для любого вмешательства [12]. Отсутствие адекватных процедур фильтрации привилегированной информации и независимого контроля было признано Судом несовместимым с Конвенцией.

Помимо практики ЕСПЧ, существуют и **«мягкие» международные стандарты**, которые призваны направлять государства. Уже упомянутые *Основные принципы ООН о роли юристов* (приняты Конгрессом ООН по предупреждению преступлений, 1990 г.) в п.22 устанавливают: *«Правительства обеспечивают конфиденциальность всех контактов между юристом и клиентом»*, что означает запрет следить, перехватывать или цензурировать такие контакты.

Правовая система Франции традиционно придаёт адвокатской тайне статус абсолютного и всеобъемлющего принципа. Профессиональная тайна адвоката во французском праве рассматривается как норма публичного порядка, от соблюдения которой зависит функционирование правосудия. Отличительной чертой Франции является жёсткость ответственности за нарушение адвокатской тайны. Действует двухуровневая система санкций:

• Во-первых, дисциплинарная ответственность. Нарушение конфиденциальности квалифицируется как серьезнейшее дисциплинарное нарушение. Адвокат может быть привлечен к дисциплинарному производству Советом ордена адвокатов; санкции варьируются от выговора до исключения из коллегии (лишения права практики). Французская адвокатура ревностно охраняет принцип тайны, рассматривая его нарушение как подрывающие честь профессии деяние. Примечателен случай, когда Кассационный суд Франции постановил: даже если клиент сам разрешил адвокату раскрыть содержимое письма в своих интересах, адвокат все равно не вправе этого делать, поскольку обязанность сохранения тайны **абсолютна** [13].

• Во-вторых, уголовная ответственность. **Статья 226-13 Уголовного кодекса Франции** устанавливает, что *разглашение информации конфиденциального характера лицом, которому она доверена по должности или профессии, наказывается лишением свободы до 1 года и штрафом до 15 000 евро*. Адвокаты прямо подпадают под действие этой статьи наряду с врачами, нотариусами, священнослужителями и другими профессиями доверия. Нарушение тайны без законного на то основания квалифицируется как преступление независимо от того, наступил ли ущерб. Таким образом, французское право исходит из высочайшей ценности конфиденциальности: охрана тайны поставлена выше интересов возможного выяснения истины по отдельному делу, поскольку доверие к правосудию в целом признается приоритетным.

Следует отметить, что **французское регулирование практически не знает исключений** из принципа тайны. Закон запрещает даже самому клиенту освобождать адвоката от обязанности молчания – то есть согласие доверителя не легитимизирует разглашение. Лишь в нескольких узко очерченных ситуациях допустимы отступления, предусмотренные законом. К их числу относится, например, обязанность адвоката содействовать предотвращению отмывания денег и финансирования терроризма: *статья L561-3-1 Кодекса финансового мониторинга* требует от адвокатов сообщать в специальный орган (Tracfin) о подозрительных финансовых операциях клиентов, но и то через председателя коллегии, сохраняющего анонимность клиента [13]. Еще одно исключение – когда сам адвокат становится объектом расследования или обвинения: в таком случае переписка с клиентами может быть использована как доказательство *лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты самого адвоката от обвинений* [13]. Эта оговорка направлена на баланс между правом адвоката на защиту и интересами его клиентов.

В целом, опыт Франции демонстрирует максимально строгий подход: **адвокатская тайна не рассматривается как привилегия конкретного лица, а признается системным условием правосудия**. Поэтому французский законодатель жестко регламентирует недопустимость ее нарушения. Для Узбекистана французская модель интересна провозглашенным абсолютным характером тайны и наличием уголовно-правового механизма охраны, что показывает приоритет защиты конфиденциальности над интересами уголовного преследования в большинстве случаев. В то же время, при внедрении подобных норм следует учитывать необходимость сохранения баланса: как будет отмечено далее, чрезмерно суровые санкции не должны использоваться властями как средство давления на адвокатуру.

Германия, как и Франция, относится к числу стран, где конфиденциальность адвокатской деятельности поставлена под особую правовую охрану. В немецком правовом порядке отсутствует англосаксонское понятие «привилегии» в процессуальном смысле, однако действуют сразу несколько норм, обеспечивающих защиту тайны на разных уровнях:

• **Профессионально-этический уровень:** Федеральный закон об адвокатуре (Bundesrechtsanwaltsordnung, BRAO) в §43a (п.2) закрепляет обязанность адвоката хранить в тайне сведения, доверенные ему в связи с профессиональной деятельностью [7]. Эта обязанность не имеет ограничения по времени и продолжается даже после завершения поручения и после смерти клиента. Нарушение рассматривается как дисциплинарный проступок, за который адвокат может понести ответственность вплоть до лишения права заниматься практикой.

• **Уголовно-правовой уровень:** разглашение адвокатом конфиденциальной информации клиента образует состав преступления. §203 Уголовного кодекса Германии (Strafgesetzbuch, StGB) предусматривает наказание *до одного года лишения свободы или штраф* для любого, кто неправомерно раскрывает чужой тайный факт, ставший ему известным в профессиональном качестве адвоката, нотариуса, врача. К категории охраняемых тайн прямо отнесены профессиональные тайны адвоката и других юристов [14]. Причем под преступление подпадает как умышленное разглашение, так и сообщение тайны третьему лицу по неосторожности (при наличии умысла на нарушение конфиденциальности). Санкция может быть усилена до 2 лет лишения свободы, если преступление совершено из корыстных побуждений или повлекло тяжкие последствия (ч.5 §203 StGB) [14]. Таким образом, Германия, подобно Франции, **криминализирует нарушение адвокатской тайны**, подчеркивая общественную опасность подобных деяний.

• **Уголовно-процессуальный уровень:** немецкое УПК (StPO) содержит ряд гарантий, направленных на недопущение ситуации, при которой адвокат вынужден разоблачать информацию клиента. Так, §53 (1) п.3 StPO предоставляет адвокату право отказать в даче свидетельских показаний о фактах, доверенных ему в качестве защитника [7]. То есть адвокат в Германии не может быть принудительно допрошен как свидетель против своего подзащитного – закон наделяет его императивным правом молчания, обеспечивая доверителю свободу сообщать адвокату все детали дела. Более того, §97 (1) StPO освобождает от изъятия при обыске *документы, находящиеся в владении адвоката и содержащие переписку с обвиняемым* (или другими лицами, воспользовавшимися услугами адвоката) [7]. Данная норма предотвращает попытки органов следствия обойти привилегию путем выемки у защитника его рабочей документации. Исключения возможны лишь если сам адвокат подозревается в соучастии в преступлении или если документы не связаны с ролью адвоката как защитника, а, например, содержат следы самостоятельного преступления (п.2 §97 StPO) [7]. Дополнительно, немецкое право запрещает оперативное наблюдение за адвокатами в случаях, когда это может привести к раскрытию защищенных сведений: §160a StPO вводит запрет на негласные следственные действия (прослушивание, подгляд) в отношении адвокатов, если цель таких действий – получить информацию об их профессиональной деятельности. Также прямо запрещено техническое наблюдение за переговорами защитника с обвиняемым (§100d (5) StPO) [7].

Таким образом, в Германии сформирована комплексная система охраны адвокатской тайны: *этическая обязанность*, подкрепленная *уголовной санкцией*, и *процессуальные иммунитеты*, препятствующие вынужденному раскрытию тайны. Стоит подчеркнуть, что аналогично Франции, законодатель ФРГ рассматривает конфиденциальность как общественно значимую ценность. Нарушение тайны адвокатом ставится в один ряд с нарушением врачебной тайны или тайны должностных лиц. Тем не менее, к применению уголовного наказания на практике немецкие власти подходят взвешенно: обычно случаи привлечения адвокатов по §203 StGB редки и связаны с особо злонамеренными нарушениями (например, раскрытие тайны в обмен на выгоду). Основной упор делается на профилактику – осознание неотвратимости хотя бы дисциплинарных мер и возможность уголовной ответственности выступают серьезным сдерживающим фактором.

Для сравнительного анализа важно отметить отличие германского и узбекского подходов. В Узбекистане пока отсутствует специальная норма УК, карающая за разглашение адвокатской тайны. Немецкий же опыт показывает, что наличие такой нормы подчеркивает приоритет прав клиента и усиливает доверие к адвокатуре.

В ряде юрисдикций доверитель, пострадавший от разглашения его тайны, может предъявить иск к адвокату о возмещении убытков (деликтная ответственность). Например, в США отмечаются случаи, когда клиенты судились с адвокатами, разгласившими конфиденциальные сведения, по основаниям гражданского правонарушения (*negligence, breach of fiduciary duty*). Однако подобные иски редки, поскольку само причинение реального ущерба разглашением еще нужно доказать. Как правило, негативные последствия для клиента проявляются опосредованно (ухудшение позиции в процессе и т.п.), что трудно оценить в денежном выражении. Тем не менее, принципиальная возможность гражданского иска служит дополнительным стимулом для адвоката соблюдать осторожность, особенно в странах общего права.

В некоторых государствах предусмотрены административные санкции (штрафы) за неправомерное раскрытие конфиденциальной информации. Например, законодательство Казахстана в 2021 г. дополнило Кодекс об административных правонарушениях статьей, устанавливающей штраф для адвокатов за разглашение профессиональной тайны, по аналогии с ответственностью за нарушение нотариальной тайны. В Узбекистане подобной нормы пока нет: дискуссии ведутся вокруг уголовно-правового запрета, но административный состав не введен. Тем не менее, возможность административной ответственности заслуживает внимания как промежуточная мера – менее строгая, чем уголовная, но более публично-правовая, чем внутренняя дисциплина. Как уже упоминалось, далеко не во всех странах нарушение адвокатской тайны криминализировано. В англо-саксонской системе (США, Великобритания, Канада и др.) полагаются на саморегулирование профессии и гражданско-правовые механизмы: предполагается, что страх потерять лицензию и репутацию достаточно удерживает адвокатов от неправомерных действий. Напротив, многие континентальные государства ввели специальные статьи в уголовные кодексы. Франция и Германия – яркие примеры: их УК однозначно предусматривают наказание за раскрытие чужого секрета лицом, обязанным его

хранить [14]. К аналогичному подходу прибегли Бельгия, Италия, Австрия, Испания и др. Как правило, санкции невелики по меркам уголовного права (до года лишения свободы, штрафы), но сам факт судимости для адвоката катастрофичен – он влечет автоматическое прекращение права на практику.

Обобщая, можно констатировать: на международном уровне наметилась тенденция к усилению ответственности за нарушение адвокатской тайны, особенно дисциплинарной. Даже если закон прямо не грозит лишением свободы, **реальный риск потерять лицензию и профессию** служит серьезным сдерживающим фактором для любого адвоката. Для Узбекистана при дальнейшем реформировании института адвокатуры целесообразно:

- Укреплять внутренние дисциплинарные механизмы (повысить роль Кодекса этики, прозрачность и неотвратимость дисциплинарных процедур).
- Рассмотреть введение административной либо уголовной ответственности, но сформулировать ее узко, с тем чтобы она не стала инструментом давления.
- Четко регламентировать процессуальные гарантии при расследовании самих адвокатов, чтобы сбор доказательств против них не затрагивал лишние конфиденциальные данные других доверителей.

В заключение следует обобщить, что адвокатская тайна – это не привилегия адвоката, а право каждого человека на приватность общения со своим защитником. Ее соблюдение укрепляет доверие граждан к судебной системе, повышает качество юридической помощи и в конечном счете служит интересам правосудия. Международный опыт убеждает, что без строгого соблюдения данного принципа невозможна полноценная реализация права на защиту и справедливый суд. Республика Узбекистан, следуя пути реформ и открытости, уже предприняла шаги к укреплению института адвокатуры; следующим логичным шагом должно стать приведение механизмов охраны адвокатской тайны в полное соответствие с высшими мировыми стандартами. Это станет залогом того, что ни один доверитель не усомнится: все, что он сообщает своему адвокату, останется под надежной защитой закона и морали.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Основные принципы ООН о роли юристов (1990) <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/basic-principles-role-lawyers>
2. Закон Республики Узбекистан «Об адвокатуре» <https://lex.uz/docs/58372>
3. Правила профессиональной этики адвокатов [https://nrm.uz/contentf?doc=545534_pravila_professionalnoy_etiki_advokatov_\(prilojenie_n_8_k_resheniyu_ii_konferencii_palaty_advokatov_ruz_ot_27_09_2013_g_\)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana](https://nrm.uz/contentf?doc=545534_pravila_professionalnoy_etiki_advokatov_(prilojenie_n_8_k_resheniyu_ii_konferencii_palaty_advokatov_ruz_ot_27_09_2013_g_)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana)
4. Prof. Dr. Lorena Bachmaier “A Plea for Common Standards on the Lawyer-Client Privilege in EU Cross-Border Criminal Proceedings in Light of Advancing Digitalisation” <https://eucrim.eu/articles/a-plea-for-common-standards-on-the-lawyer-client-privilege/#:~:text=The%20Strasbourg%20Court%20has%20repeatedly,incrimination.3%20Any>
5. Закон Республики Узбекистан «О гарантиях адвокатской деятельности и социальной защите адвокатов» <https://lex.uz/uz/docs/1321>

6. Article 2 of the National Rules of Procedure (Règlement Intérieur National, RIN) of the French Bar Council <https://www.dlapiperintelligence.com/legalprivilege/insight/index.html?c=FR&t=#:~:text=The%20lawyer%20professional%20secrecy%20is,absolute%20and%20unlimited%20in%20time>

7. The German Code of Criminal Procedure (StPO) <https://www.lexmundi.com/guides/attorney-client-privilege-guide/jurisdictions/europe/germany/#:~:text=proceedings%20also%20apply%20in%20criminal,to%20testify%20against%20their%20client>

8. Международный пакт о гражданских и политических правах https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

9. ECtHR, 16 December 1992, Niemietz v. Germany, Appl. no. 13710/88

10. ECtHR, 25 March 1992, Campbell v. United Kingdom, Appl. no. 13590/88, para. 46. On the impact of the ECtHR's case law and the lawyer-client privilege in common law systems, see J. Auburn, Legal Professional Privilege: Law and Theory, 2000, pp. 37 ff

11. ECtHR, 27 April 2017, Sommer v. Germany, Appl. no. 73607/13, para. 56;

12. ECtHR Finds Ukraine Violated Right to Private Life (Brief, March 2025) <https://asil.org/ILIB/ecthr-finds-ukraine-violated-right-respect-private-life#:~:text=Additionally%2C%20the%20ECtHR%20ruled%20that,clear%20and%20precise%20legal%20standards>

13. DLA Piper – Legal Professional Privilege (France). Обзор законодательства Франции о профессиональной тайне адвоката (обязательность, абсолютность и неограниченность во времени, положения ст.66-5 Закона 1971 г.) <https://www.dlapiperintelligence.com/legalprivilege/insight/index.html?c=FR&t=#:~:text=In%20application%20of%20this%20principle%2C,19.245>

14. Violation of private secrets (Section 203, German Criminal Code) <https://www.lewik.org/term/15709/violation-of-private-secrets-section-203-german-criminal-code/#:~:text=,in%20his%20capacity%20as%20a>